

В. А. Лётин

Храм в контексте усадебного универсума: репрезентация ктитора

В статье рассматривается степень включенности усадебного храма в репрезентативную программу ктитора. Обращаясь к раннему этапу развития усадебной культуры, автор сосредотачивается на храмовоздательной деятельности царя Бориса Федоровича Годунова в своих усадьбах, ставшей основой традиции репрезентаций личности. Проанализированный таким образом «домашний» храм предстает символическим текстом, семантические нюансы которого проявляются в выборе места и архитектурном решении, в особенностях декора и алтарных посвящениях.

Ключевые слова: усадебная культура, репрезентация личности, храмовая архитектура, усадебный храм, символическая программа, алтарные посвящения.

V. A. Liotin

Temple in the Context of a Farmstead Universum: Church Warden's Representation

In the article the degree of a farmstead temple inclusiveness into the representative programme of the church warden is considered. Addressing to early stage of farmstead culture development, the author concentrates on temple making activity of Tsar Boris Fedorovich Godunov in his manors, which became the basis of tradition of person's representation. The "home" temple analysed in such way appears to be a symbolical text which semantic nuances are shown in a choice of the place and the architectural decision, in features of decor and altar dedications.

Keywords: Farmstead culture, person's representation, temple architecture, a farmstead temple, a symbolical programme, altar dedications.

Роль храма как сакрального центра жилого универсума, будь то город, посад или вотчина, определялась религиозным сознанием человека. Реальная жизнь, вторгаясь в его сакральное пространство, по-своему осмысливала его, расставляла соответствующие акценты. Так кафедральные (в большей степени) и приходские (в меньшей) городские соборы алтарными посвящениями и символическими программами декора, как правило, соответствовали актуальным тенденциям политики государства и/или церкви. Те же, что строились в усадьбах бояр или посадских людей, существуя в общем для культуры в русле храмостроения, отражали представления частного человека о его месте в истории, показывали степень причастности к событиям государственного масштаба.

При этом усадебный храм в окружающем его архитектурном контексте имел не только композиционное, но и символическое значение. Мы полагаем, что в большинстве случаев организация усадебного пространства подчинялась символической программе, в той или иной степени оригинальной. В результате можно говорить об усадьбе как универсуме – пространстве, наделенном особыми символическими характеристиками, которыми опреде-

ляется и его собственный «быт», и бытие в культуре. На начальном этапе развития усадебной культуры такие символические программы носили религиозный характер и были характерны для царских «сел». При этом усадебный универсум тогда мыслился как часть единого сакрального мира. Своеобразными маркерами в связи с этим работали усадебные храмы, обозначая его алтарными посвящениями или особо почитаемыми святынями. Позже – в период расцвета – на выбор символики влияла исключительно личность владельца, его политические амбиции, исторические или художественные приоритеты.

XVII столетие знаменательно тем, что именно в это время намечается переход от усадьбы как символа сакрального универсума к усадьбе как универсуму индивидуальному. Это напрямую связано с важнейшими политическими событиями первой половины столетия (царствование Бориса Годунова, Смута, воцарение Романовых), повлекшими за собой кардинальные перемены и в мировоззрении. Человеком «позднего средневековья» реальность земного мира уже не осмысливались исключительно проекцией небесного эталона. События своей жизни он пытается вписать в реальный историко-

культурный контекст, а не в условное «библейское» пространство. Библейская же образность постепенно становится основой для метафор реальных исторических событий. Вполне естественно, что бояре и посадские люди подражали царскому храмовому строительству самого конца XVI – начала XVII столетия.

В связи с данными обстоятельствами принципиально важно остановиться на опыте усадебного храмоздательства царя Бориса Федоровича Годунова, ставшем основой для формирования традиции репрезентации личности в истории в сакральном пространстве последующих столетий. Алтарные посвящения храмов его усадеб: Троицких – в Вяземах, Хорошёве; Борисоглебского – в Борисове городке и Преображенского в Острове – являют собой разные грани его «царских» амбиций.

Став государем, Борис Федорович затевает обширное строительство и в Кремле, и в своих вотчинах. Показательно, что он отказывается от использования в качестве собственных резиденций любимых (и обустроенных!) усадеб предшествующей династии. В этой связи его не привлекают ни Александрова слобода, ни Коломенское, хранящие память о Василии III Иоанновиче и Иоанне IV Грозном.

Царь Борис Федорович мыслил себя не «наследником» Рюриковичей-Калитичей, а родоначальником новой законной династии на Московском престоле и, соответственно, нового государства [1]. Само венчание его на царство, приуроченное к началу нового 1599 г. (1 сентября), символически знаменовало начало новой эпохи. Уподобленный чином венчания византийским императорам, царь Борис Федорович по статусу превосходил царей-предшественников. Русь Рюриковичей-Калитичей не находила продолжения в его правлении, а осмысливалась как прошлое. Его же (годуновское) настоящее при этом становилось залогом великого – «византийского» масштаба – будущего. Тенденции на сближение церемониала русского двора с византийским и сориентированное также на Византию почитание персоны царя, проявлявшиеся еще в царствование Федора Иоанновича, именно при царе Борисе Федоровиче Годунове достигают своей кульминации. Коль скоро царство, создаваемое им, должно в славе своей превосходить прежнее, так и символика архитектурных проектов должна была отражать честолюбивые помыслы нового государя, а их масштабы – превосходить своими размерами постройки великих царей прошлого.

Именно в этой логике разворачивается строительная и, прежде всего, храмоздательная, деятельность царя Бориса Федоровича, цель которой – утверждение превосходства над предшественниками. «Годуновский столп» (Иван Великий) с вознесенной над Москвой надписью, прославляющий род царя, тому пример. Кульминацией годуновского храмостроения должно было стать возведение храма «Святая святых» – зримого подобия Иерусалимского комплекса Святой земли в Московском Кремле. Но этому амбициозному проекту не суждено было осуществиться.

В связи с этим возрастает историческое и культурное значение вотчинных комплексов эпохи – ее своеобразных зеркал. В организации своих усадеб царь Борис Федорович отталкивается от опыта предшественников и создает ансамбли «дальних» Вязем и Борисова городка как крепости, а «ближней» (Хорошёва) как «открытой» усадьбы-«виллы» [4]. К сожалению, об особенностях архитектурного решения и убранства не сохранившихся деревянных дворцов мы не имеем представления. Но выбор места для постройки храма, его архитектурное решение, специфика декора, символика посвящения алтарей главного объема и приделов – все это несет на себе отпечаток честолюбивых помыслов нового царя.

Первой в этом ряду стоит усадьба Хорошёво – «ближняя» загородная резиденция Годунова. Учитывая ее репрезентативный характер (известны факты приема в ней иностранных послов) [3], можно предположить, что особое символическое значение в ее пространстве имел и храм. Каменная Троицкая церковь (предп. арх. Ф. Конь) появляется здесь в 1698 г., то есть в год воцарения Годунова. Ее место в истории архитектуры – связующее звено между XVI и XVII столетиями. Будучи построенной по образцу старого собора Донской иконы Богородицы одноименного монастыря (1691–1693), она, в свою очередь, стала моделью для первого собственно романовского храма в усадьбе Рубцово [7]. Однако и семантика этого репрезентативного проекта также носит характер связующего звена как в исторической парадигме (завершенное прошлое и свершаемое будущее), так и в антропологической (родовое и государственное).

Связь с прошлым осуществляется в его программе географически (выбор места), визуально (архитектурная форма) и тематически (мемориал).

Храм строится в месте, связанном с предшествующей династией. В разное время его владельцами были Великий князь Дмитрий Донской и царь Иоанн IV Грозный. «Годуновским» же оно стало в

начале 1590-х гг. как дар царя шурина, активному участнику обороны Москвы, в честь победы над войском крымского хана Газы II Гирея под Москвой в 1591 г.

Последнее обстоятельство обусловило выбор архитектурной формы, генетически восходящей к храму Донского монастыря (1591–1593), основанного на месте ставки русского войска в этом противостоянии, а именно на месте алтаря походной церкви Св. Сергия, куда была принесена Донская икона Богоматери. Так, победа царя Федора Иоанновича над крымским ханом символически соотносилась с одержанной в 1380 г. войском Дмитрия Донского на Куликовом поле. При этом архитектурная форма самого собора Донского монастыря восходит к приделу Св. Василия Блаженного храма Покрова на Рву. Эта связь представляла Федора Иоанновича, победителя крымского хана, как продолжателя дел своего отца – победителя казанского. Использование же конкретной формы васильевского придела представляет этого святого как нового покровителя Москвы. Напомним, что прославление Св. Василия Блаженного, равно как и появление придела Покровского храма в его честь, напрямую связано со временем правления этого царя и состоялось на поместном соборе 1588 г.

Так, архитектурная форма хорошевского храма с характерным кокошниковым покрытием акцентирует его мемориальное значение и ставит ктитора в один ряд с победителями татар Дмитрием Донским, Иоанном IV Грозным и Федором Иоанновичем.

Символично в свете амбиций нового царя и посвящение алтарей этого храма: главного – Св. Троице (аналогичное посвящение имеет храм в Вяземах – еще одной подмосковной вотчине Годунова), и придельных – Св. Федору Стратилату и Свв. Борису и Глебу (позже переосвящен в честь Св. Николая). В них личные мотивы очень тесно переплелись с «государственными» амбициями правителя.

Прежде всего, в посвящении главного алтаря высочайшим ктиторм устанавливается еще одна связь с давним героическим прошлым – эпохой становления культа Св. Троицы – эпохой Дмитрия Донского и Св. Сергия Радонежского – и временем непосредственных предшественников, построивших Троицкий храм в Александровой слободе. Но такая актуализация «троицкой» темы позволяла Борису Годунову соотносить свое царствование не с последними Рюриковичами-Калитичами, а, что наиболее важно, с первыми – основателями династии Великих князей Московских. С Троицей, ве-

роятно, в царствование Годунова связывается развитие Российского государства [2]. Футуристические аккорды слышны в уже упоминавшейся почитательной надписи «Годуновского столпа»: «Изволением Святыя Троицы повелением Велико-го Государя царя и Велико-го князя Бориса Федоровича всея Руси самодержца и сына его благоверного Велико-го государя царевича и Велико-го князя Федора Борисовича всея Руси храм совершен и позлащен во вторья лето государства их 7108».

Репрезентативное значение храма как амбициозного проекта оригинальной концепции царствования усиливается яркой особенностью его декора – изникскими керамическими блюдами. Дар Оттоманской порты царю Борису Федоровичу был помещен в центральные части кокошников двух нижних рядов Троицкого храма не только в качестве ярких декоративных деталей. Прежде всего, эти блюда имеют непосредственное отношение к посвящению храма: «оттоманский» Изник – древняя Никея – место проведения Первого Вселенского собора (325), утвердившего Символ Веры и, что для нас более актуально, постулат Св. Троицы. Как уже говорилось, статус царя Бориса Федоровича Годунова, венчанного на царство одним из пяти патриархов Вселенской церкви, оказывается «во всей полноте подобным статусу византийского императора» [2]. Соответственно, в большей степени приоритетным для него является не «московский» (*царский*) опыт государственности, а *императорский* «византийский», соответствовать которому должны были и сам правитель, и его политика. Обращение к Св. Троице позволяло Московскому царю соотносить себя с образом равноапостольного императора Константина Великого, так как именно он созвал Никейский собор, то есть имеет непосредственное отношение к принятию постулата Св. Троицы. К тому же с образом Константина Великого связано и утверждение патриаршества, и основание новой империи (строительство Константинополя – Второго Рима), и восстановление храма в Иерусалиме. То есть основные вехи жизни византийского императора повторяются в деятельности московского государя вплоть до строительства подобия иерусалимской святыни в Кремле.

«Репрезентативный» смысл «троицкого текста» выходит из родового почитания Св. Троицы дома Годуновых. Эта активно декларируемая царем Борисом Федоровичем связь с ней имеет давнюю традицию, идущую со времен княжения Ивана Калиты, когда ордынский мурза Чет, принявший в крещении имя Захария, закладывает под Костромой Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. В

стенах обители нашли приют останки 56 членов рода, в том числе и родители царицы Ирины и царя Бориса – Федор и Стефания Годуновы. Связь рода Годуновых с образом троицы была известна и понятна современникам. Не случайно правительством Василия Шуйского останки членов царской семьи Годуновых (самого Бориса в иночестве Боголепа; его супруги Марии, в иночестве Марфы; их детей Федора и – позже – Ксении, в иночестве Ольги) будут погребены именно в Троице-Сергиевом монастыре близ стен Успенского собора.

Аналогичную функцию выполняют и приделы, конкретизируя «исторический» и «родовой» аспекты посвящений до конкретных личностей. Их посвящения Свв. Борису и Глебу и Св. Федору Стратилату символически уравнивали царей, тезоименных этим святым: приделы решены в виде симметричных архитектурных объемов. Но если «адресат» посвящения борисоглебского придела определяется однозначно – это сам ктитор, то у второго – федоровского – их может быть три: зять – царь Федор Иоаннович, родной отец и сын-наследник. И здесь в большей степени обнаруживается «тройная» природа храма как родового, домашнего/усадебного и «государственного».

Символические программы других усадебных храмов царя Бориса Федоровича подчинены той же идее превосходства нового государя, демонстрируют грандиозные масштабы и амбициозные посвящения. Но их воплощения более однозначны, по сравнению с хорошёвским храмом. Так, в «дальнем» Борисовом городке, царь делает попытку синтезировать черты и Александровской слободы (крепостные сооружения, Ф. Конь, 1600-е гг.), и Коломенского (шатровая церковь). Однако в этой крепости-усадебке акцентирован именно личностный момент. Само ее название не «историческое», не соотносится ни с каким из храмовых праздников, но дано по имени хозяина. «Единоличность» акцентируется здесь и наличием в Борисоглебской церкви (не сохранилась) только одного алтаря, тезоименного ктитору святого. При этом своей высотой (74 м) она превосходила подмосковный образец. Архитектурное решение Преображенской церкви в усадьбе Остров представляет собой попытку выработки новой храмовой формы путем компоновки приделов с «горками» кокошников и шатра над основным объемом здания [5].

Опыт царской репрезентации, освоенный Борисом Фёдоровичем Годуновым оказался продуктивным и был активно востребован... его политическими противниками. В последующие годы XVII столетия Романовы буквально воспроизведут «ре-

презентативный» алгоритм в постройке своего первого усадебного храма в Рубцове. Однако, формально следуя логике годуновского опыта, они принципиально изменяют пафос своего царствования: в основу будет положена идея прямой преемственности, «родственности» с Рюриковичами-Калитичами. В этой связи ими будут «реставрироваться» прежние загородные резиденции с постепенной заменой символических и репрезентативных программ.

Таким образом, можно констатировать, что в начале XVII в. царственные заказчики обустройства свои усадебные универсумы, подчиняя их символические программы задачам репрезентации собственной личности. Первостепенное место в этих программах занимал храм, который с помощью целого арсенала приемов (место постройки, архитектурная форма, детали декора, алтарные посвящения) обозначал и «освящал» место ктитора в исторической перспективе.

Библиографический список

1. Антонов, Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности XVII века [Текст] / Д. И. Антонов. – М., 2009.
2. Баталов, А. Л. Гроб Господень в замысле «Святая святых» Бориса Годунова [Текст] / А. Л. Баталов // Иерусалим в русской культуре. – М., 1994. – С. 154–171.
3. Баталов, А. Л. Московское зодчество конца XVI века [Текст] / А. Л. Баталов. – М., 1996.
4. Заграевский, С. В. Дворцово-храмовый комплекс Василия III в Александровской слободе и его место в типологическом развитии царской усадьбы XVI века [Электронный ресурс] / С. В. Заграевский. – Режим доступа : www.zagraevsky.com. Проверено 01.02.2011.
5. Кавельмахер, В.В. Ложноготический шатровый храм рубежа XVI–XVII веков в Подмосковье. К вопросу о дате постройки, первоначальных объемах и стилистике церкви Преображения в Острове [Электронный ресурс] / В. В. Кавельмахер. – Режим доступа : http://www.kawelmacher.ru/science_kavelmakher14.htm. Проверено 01.02.2011.
6. Квливидзе, Н. В. Тема Святой Троицы в русской культуре второй половины XVI в. и росписи Троицкой церкви в Вяземах [Текст] / Н. В. Квливидзе // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. – М., 1992–1996. – С. 325–328.
7. Тарабарина, Ю. В. Церковь Покрова в Рубцове. Реминисценции годуновской архитектуры в раннем зодчестве времени царя Михаила Федоровича [Электронный ресурс] / Ю. В. Тарабарина. – Режим доступа : <http://www.archi.ru/files/conference/program>. Проверено 01.02.2011.